

Предисловие к русскому изданию

Больше полувека назад Перлз и Гудмен своей книгой «Gestalt Therapy, Excitment and Growth in the Human Personality» произвели существенный поворот, который ставит их в самый центр рефлексии сегодняшнего дня: они сдвинули с места понятие self, лишили места, децентрализовали и наделили его временем. В рамках «современного» подхода, изрядно солипсического, индивидуальное «Я» было признано в качестве единственной реальности, и психика была одним из главных аспектов. Опираясь на самый простой первичный факт, состоящий в том, что человеческая функция существует только в контакте со средой, сказанные авторы придают структуру новаторскому ходу мысли и практике в прямой связи с этой естественной концепцией человеческого естества.

Понятие self в те времена еще не совсем вошло в словарь психоанализа и психотерапии. Оно узнало свои часы славы, лишь когда такие авторы, как Winnicott или Kohut сделали его известным. Когда

его пускали в ход, то сводили к некоторым отдельным аспектам и делали некоей более или менее стабильной сущностью. Зачастую так обстоит дело и сегодня. В гештальт-терапии то, что мы называем self, существует только там и тогда, где и когда есть контакт. Self не существовал заранее, не обнаружился, не проявился, не выразился в контакте. Self и есть контакт. Он сложное и раскрытое. Движение. Он приведение в действие сил творческого приспособления, которые действуют на границе контакта организм/среда. В этом поле, определяемом как «организм и его среда», функция- self обозначает внутренние движения поля, движения интеграции и дифференциации, унификации и индивидуализации, действия и трансформации и т. д. Чтобы иметь возможность расти и развиваться, организм должен встречаться с новым, отличающимся, не-Я. Он выстраивает его в фигуру, то есть выстраивает гештальт — и в производстве контакта, который он таким образом производит, на волне возбуждения, которое сопровождает такое «формирование формы», отсылается к той перманентной индивидуализации, тому различению себя и мира, которое идет непрерывно. Этот процесс называется self. «Self — лишь небольшой фактор в целостном взаимодействии организм/среда, но он играет ключевую роль, которая состоит в создании и развертывании значений, благодаря которым мы можем развиваться», — писали Перлз и Гудмен.

Эти тезисы, составляющие суть теории и практики гештальт-терапии, являются центральной темой моих работ, прежде собранных в книге, которая озаглавлена «Unfolding Self». Делокализация self как внутрипсихической инстанции и его новое позиционирование в качестве феномена поля, введенное Перлзом и Гудменом, может вызвать немалое удивление

своим пророческим характером по отношению к трудам множества философов, социологов, психологов и эссеистов второй половины XX и начала XXI века. Внимательный читатель, конечно, смог заметить в их книге определенные колебания между традиционной концепцией self-Я, которую некоторые авторы позднее называли «Я-объект», и новаторской концепцией, набросок которой они дали, а вместе с ней — новую парадигму, которая будет развернута некоторыми мыслителями постмодернизма, социального конструкционизма, интерсубъективного психоанализа и других философов, занятых проблемой идентичности. Изрядное число их будущих идей и гипотез присутствует там в форме зачатков.

Потому так важно, чтобы основополагающий труд гештальт-терапии был продолжен и, насколько это возможно, развит в соответствии с имплицитными и эксплицитными принципами, которые легли в его основание. Я с опозданием узнал то, о чем раньше догадывался, а именно то, что Исадор Фром, мой учитель в области гештальт-терапии и долгое время последний представитель кружка отцов-основателей, ожидал от меня (и, возможно, от кого-то другого) творческого продолжения начатого. Это труд, который я взял на себя четверть века назад. Читатель найдет в этой книге последние шаги этого поиска — вместе с его первыми шагами, повторами, скачками, сомнениями и топтанием на месте, страхами и эмоциями.

Когда границы Советского Союза открылись и зарождающееся московское гештальтистское сообщество пригласило меня для дополнения образования, которое они стали получать несколькими годами раньше, я узнал в них свой прошлый жизненный путь: сначала встреча с гештальт-терапией в практи-

ке и переживаемом опыте, потом неудовлетворительные — ибо недостаточные — элементы теории, наконец, открытие подлинного стержня нашего подхода в его фундаментальных понятиях.

Сегодня это самое сообщество, которое я имел удовольствие и честь сопровождать 15 лет, благодаря этой книге и нашим семинарам получает возможность познакомиться с самыми свежими из моих работ. Мне остается пожелать, чтобы русские коллеги и отныне друзья не остановились на этом, а сумели в свою очередь продолжить труд, начатый нашими основателями, и сделать новый шаг вперед, чем они смогут обогатить гештальтистское сообщество.

Жан-Мари Робин

Предисловие

Издание книги Жана-Мари Робина на русском языке — событие большое и долгожданное. И не только потому, что Жан-Мари был тем человеком, который подготовил первое поколение российских гештальт-терапевтов и преподавателей гештальт-терапии, откликнувшись в 1992 году на приглашение Московского Гештальт Института приезжать в Москву и вести образовательную программу «Совершенствование в гештальт-терапии», что он делал в течение трех лет и с тех пор продолжает приезжать и делиться своими всегда немного новыми размышлениями, и поэтому его книга будет очень интересна многочисленным участникам его семинаров. И не только потому, что Жан-Мари является одним из наиболее глубоких и интересных современных гештальт-терапевтов, практикующих гештальт-терапию, и развивающих теорию и методологию гештальт-терапии, и идеи, изложенные в книге, будут полезны преподавателям гештальт-терапии, психотерапевтам, размышляющим о своей работе, ищущим новые творческие ресурсы для своего роста.

И даже не только потому, что Жан-Мари очень обаятельный, остроумный и глубокий человек, и публикацией этой книги мы надеемся выразить хотя бы частично наши признательность и восхищение.

Все это разумеется имеет место быть, но издание этой книги очень важно и для развития гештальт-терапии в русскоязычном пространстве.

Гештальт-терапия долгое время была в значительной мере представлена лозунгами и принципами в которых в сильно упрощенном виде давались основные идеи Ф.Перлза, так, как они были восприняты его последователями, свидетелями его демонстрационных сессий. Можно было даже подумать, что гештальт-терапия сродни искусству волшебника, чьи секреты нельзя передать словами. Просто — крибле-крабле-бумс! — и симптом пропал, страдание ушло, человек все осознал и пошел себе счастливый и со свободной душой. И все это можно только прочувствовать и нечего даже пытаться теоретизировать по этому поводу. Но за этими изящными эффектами стоит глубокая научная психологическая и философская теория, начатая еще Куртом Гольдштейном и Куртом Левиным, продолженная Полом Гудменом. Теория гештальт-терапии — и это хорошо прослеживается в текстах этой книги — никак не является догмой или предписанием для терапевта, чем-то застывшим, завершенным. Напротив, она поддерживает способность терапевта сомневаться и быть внимательным к изменчивости и мимолетности сиюминутности событий, замечать возникающую новизну, поддерживающую рост терапевта и клиента.

В основе теории гештальт-терапии лежит представление о контакте как основном событии опыта, происходящем на границе между Я не-Я, событиях, происходящих в поле «организм/среда», контакте как

естественном способе саморегуляции человека в его жизненном пространстве и необходимом условии роста. Контакт рассматривается как элементарная частица, как единица опыта, простейшая и первичная форма существования психического, которую невозможно зафиксировать, но возможно исследовать, наблюдать, описывать, с которой возможно экспериментировать, анализировать и использовать как инструмент в психотерапевтической работе.

Теория гештальт-терапии 50-70 годов в большей степени описывала индивидуальный процесс человека, современная теория гештальт-терапии рассматривает события контакта в поле, объединяя процесс клиента и процесс терапевта в едином пространстве. В таком случае психотерапия рассматривается как процесс изменений не только клиента, но и терапевта, как равноправных участников событий. Применение теории поля к гештальт-терапии в 90-2000 годы позволило преодолеть ограничение индивидуалистического взгляда на человека и на невроз, по-новому увидеть человека в единстве с его ситуацией, описать взаимовлияние клиента и терапевта в ходе психотерапии, дать новые направления для терапевтического мышления.

Развитие теории гештальт-терапии в русскоязычном пространстве связано с разработкой теории личности и психического развития в культурном пространстве, теории патопсихологии, из чего выросла достаточно самобытное и глубокое направление — динамическая теория гештальт-терапии Хломова.

Теория гештальт-терапии позволяет психотерапевту обрести и сохранить максимальную устойчивость и стабильность при максимальной гибкости и чувствительности, быть осознанным и присутствующим в контакте, и таким образом использовать свои ресурсы

для поддержки осознанности и полноты присутствия клиента, обретения спонтанности и свободы и ответственности, раскрытия творческих потенциалов и терапевта и клиента. И это позволяет гештальт-терапии на практике оставаться не только научно обоснованным, но все и немного чудесным делом.

Книга Жана-Мари — как и гештальт-терапия — открывает возможности для размышления, спора, несогласия и открытий, для встречи различных точек зрения на события в поле «терапевт-клиент». Надеемся, что чтение этой книги поддержит развитие собственных теорий гештальт-терапии и подарит новые идеи для работы.

Введение

Блистательные инновации гештальт-терапии — отказ от фрейдистского бессознательного в пользу холистической концепции человека, которая сориентирована в рамках категории поля; переориентация практики работы с клиентом с археологического исследования причинности на творческую импровизацию в момент самой терапевтической сессии — принадлежат временам пятидесятилетней давности. В дальнейшем они не получили столь же блестящей разработки и развития. Возможно, продолжатели большинства интеллектуальных и культурных движений по своему творческому потенциалу редко приближаются к их основателям. Вместе с тем число гештальт-терапевтов неизменно растет, хотя движение продолжается главным образом по боковым линиям. Институты, готовящие гештальт-терапевтов, существуют во многих странах мира на многих континентах. Некоторые из них процветают, но большинство вынуждено бороться за выживание. Издается все больше журналов и собирается все больше конгрессов по гештальт-терапии. Тем не менее, среди гештальт-терапевтов есть лишь небольшое число преподавателей, мыслителей, авторов, которые сумели пойти дальше по пути, проло-

женному во времена, когда эта великолепная теория и практика сошла на землю. В ряду этих немногих Жан-Мари Робин (который живет во Франции в Бордо, но в качестве кочующего терапевта преподает по всему миру, словно исполняет некую неотложную миссию) предстает одной из самых значительных и творческих фигур на современной сцене.

Особенный талант Робина-теоретика заключается в той чувствительности, которая легко переходит от способности философа рассуждать в строгих терминах к способности клинициста очаровываться нюансами переживания и поведения. В анналах психологической теории чувствительность такого рода встречается нечасто. Уильям Джеймс (он не был терапевтом, но у него был наметанный глаз и интуиция хорошего клинициста), сам Фрейд, Медард Босс, Ван Ден Берг, Эрвин Страус, а также такой особенный мыслитель, как Жак Лакан, — вот имена, которые приходят мне на ум. Рассудочность философа и чуткость терапевта, сотканые вместе, кажутся мне идеальным сочетанием талантов необходимых тому, кто разрабатывает новую психологическую теорию. В этой связи стоит вспомнить, что до конца XIX века психология рассматривалась как отрасль философии. Но с момента появления психотерапии она оказалась захвачена новым социальным движением — волной профессиональной специализации. Психотерапия и психологическая теория подпали под власть определенных воззрений на медицину. Вместе с тем гештальт-терапия — по крайней мере в начале своей истории — сохраняла тесную связь с философией. Опыт чтения первых глав тома, написанного Гудменом для книги «Гештальт-терапия» (авторы Перлз, Хефферлин, Гудмен), скорее напоминает знакомство с очередной книгой Джеймса, Бергсона или Мерло-Потни, неже-

ли чтение учебника, излагающего конвенциональное описание психологии, или монографии по психоанализу (далее по ходу книги тон и стиль несколько меняются, когда влияние эго-психологии делается более весомым).

Затем с гештальт-терапией вообще происходит нечто странное. Оставив в Нью Йорке своих коллег, более склонных к литературе и философии (включая жену Лору, Пола Гудмена и Изадора Фрома), Фредерик Перлз перебрался в Калифорнию, где в 1960-х годах под его харизматическим руководством гештальт-терапия приобретает черты духовного движения. В такой форме гештальт-терапия переживает пик популярности. Это можно назвать периодом «вульгарной гештальт-терапии», ибо она походила на изначальные идеи Перлза и Гудмена не больше, чем «вульгарный марксизм» походит на то, что было написано самим Карлом Марксом. «Примите на себя ответственность за ваши чувства», «Я это я, а ты это ты», — провозглашала эта версия гештальт-терапии. Слоганы были звучными, но поспешными и редуccionистскими. Они плохо ориентировали практика на кропотливую, сложную, созерцательную работу, которая состоит в том, чтобы сопровождать другого в его проблемах и с его неиспользуемыми возможностями. Это стало несчастьем не только для гештальт-терапии, но помешало психотерапии в целом.

Идеи, с которыми выступили Перлз, Хефферлин и Гудмен, по большей части потерялись в том энтузиазме, который американцы проявили в отношении быстродействующих «shoots», хотя сам Перлз, в конце концов, предостерегал против этого, а большинство клиницистов, позиционирующих себя вне непосредственных кругов гештальт-терапии, относились к

этому с полным презрением. Это несчастье продолжается до наших дней.

Робин всегда был глубоко интегрирован в гештальт-терапию, но сама природа его включенности с необходимостью влекла его в направлении, которое было принципиально отлично от гештальт-терапии 60-х годов. Перед нами радикальный мыслитель в лучшем смысле слова. Я говорю о радикализме такого рода, который открывает новые горизонты, добираясь до корня проблемы (что и есть подлинное значение слова «радикальный»¹). Мы склонны думать, что радикалы — это люди, настолько эволюционировавшие влево, что они порывают связь с традиционной политикой и культурой и оказываются вне игры. В действительности, лучшие радикалы стоят на стороне консерваторов. Они могут смотреть на существующие институты как бюрократическое извращение уважаемых традиций, например, традиции свободы или традиции стремления к совершенству. Отправным пунктом радикализма Робина необходимо считать его возвращение к основополагающему тексту Перлза, Хефферлина и Гудмена, прочесанному Робинем вдоль и поперек, а также мыслителям, повлиявшим на Перлза и Гудмена, как-то Отто Ранк, Курт Левин, Джон Дьюи. В этом поиске Робин больше всего напоминает Жака Лакана и его знаменитое возвращение к Фрейду. Лакан пытался расчистить напластования поверхностных и посредственных интерпретаций, загромождающие тексты Фрейда, чтобы отыскать их подлинные основания. Робин совершает нечто подобное в отношении Гудмена. В результате открываются радикально новые возможности. На первый план выходят

¹ Позднелат. *radicalis* от лат. *radix*, «корень», — прим. пер.

вещи, которые не принимались в расчет или не были известны нескольким поколениям последователей.

Новизна идей Робина отчасти связана с тем, что его возвращение назад не является простым возвращением в прошлое. В своих теоретических текстах Робин неизменно мерит принципы Перлза, Хефферлина и Гудмена аршином своего характера и тех изменений, которые произошли в западной культуре со времени появления их книги. Здесь существенно то, что Робин является французом. Во второй половине минувшего столетия философия и искусство сделали крутой вираж, перейдя от эпохи современности к тому, что известно как «постмодернизм». Если говорить об интеллектуальных сферах, имеющих наибольшее отношение к психологии и психотерапии, этот вираж переместил центр тяжести из Германии и Соединенных Штатов, где доминировало влияние Фрейда, Гуссерля, Хайдеггера, Бубера и Левина, а также их американских эквивалентов таких, как Джеймс и Дьюи (я называю только тех, с кем гештальт-терапия связана наиболее тесно), во Францию, где Лакан, Мерло-Понти, Левинас, Деррида и Делез переформулировали в новые парадигмы то, чему они научились от своих немецких предшественников. Робин пропустил гештальт-терапию через фильтр мысли тех и других, вернувшись к тем, кто повлиял на Перлза и Гудмена, и одновременно пойдя дальше за своими соотечественниками самого последнего времени (кроме Лакана, к которому Робин не проявляет интереса).

Что может принести гештальт-терапии запутанная современная философия? Не усложнит ли это жизнь гештальт-терапевта? Наверное, это так. Однако превратности человеческого существования сами по себе неуловимы и трудны для понимания. Расхожая тенденция в терапии состоит в их редукции к детерми-

низмам, как поступают те, кто утверждает, что душевная болезнь — сплошная биология, детская травма или плохая среда. Такие психотерапевты уходят от сложного и творческого характера нашей психической жизни. Очень важно обратить внимание на этот момент. Фрейд вдохновлялся образом Сократа и древней философской традицией познания самого себя. Его концепция облегчения ментального страдания предполагает дисциплину исследования себя в присутствии кого-то, кто слушает и интерпретирует с сочувствием и знанием дела. В этом долгое время состояла культурно господствующая концепция психотерапии. Но и в наши дни она играет роль в борьбе с медикализацией и рационализацией здравоохранения, которые повсюду затрагивают также и терапевтическую практику. Сократический подход находится под угрозой исчезновения; по крайней мере так обстоит дело в лечебных учреждениях. Сохранять сократическую традицию означает способствовать тому, чтобы философские исследования имели столько же влияния на психотерапию, сколько имеют исследования в области психологии и неврологии. Я думаю, Робин согласится со мной, если я скажу, что лучшая психотерапия есть в некотором роде прикладная философия.

Как я уже сказал, гештальт-терапия весьма предрасположена к философии. Гештальт-терапия подчинила то, что она взяла из психоанализа, не только гештальт-психологии, но и феноменологическим и экзистенциалистским концептам и добавила к этой смеси изрядную дозу философии американского прагматизма. Это произвело на свет практику особого рода. Психотерапевт внимательно наблюдает, он использует саму терапевтическую сессию как место действия: он использует способ, которым пациенты придают свои собственные стили специфическо-

го выражения (включая сюда симптомы) своему опыту переживания как себя самих, так и своего мира; если быть более точным — опыт переживания самих себя в своем мире. Большинство гештальт-терапевтов привержены этому принципу на практике. Но теория гештальт-терапии по большей части не осталась на высоте положения. Литература по гештальт-терапии после Перлза, Хефферлина и Гудмена, в частности написанная по-английски, пестрит ссылками на «феноменологию пациента» или «наш феноменологический подход», словно можно поручиться за то, что все знают, как эти выражения следует понимать. Как можно распространять некую идею на новые сферы, если рассматривать ее как нечто само собой разумеющееся и притом весьма поверхностно? Если ссылаться на философию на уровне теории, надо принять всерьез то, что написали философы, о которых идет речь. Но у Робина, который привнес в теорию гештальт-терапии свои энциклопедические познания в области феноменологической и экзистенциалистской философии, в этом деле немного соратников!

Заимствования, которые Робин производит в философии, помимо всего прочего, подкрепляют принцип — некоторым он представляется теперь вышедшим из моды, — согласно которому осознание выступает предварительным условием терапевтического изменения. Идея познания самого себя, фундамент сократической традиции, разумеется, является и всегда была фундаментальной для психоаналитической традиции, в соответствии с которой познание себя и составляет лечение. Традиционно идея принималась как инструмент осуществления интроспективного исследования, путешествия внутрь себя. Но Робин, развивая некоторые положения гештальт-терапии, кардинально меняет точку зрения. Психоанализ был изна-

начально нацелен на понимание внутренней жизни отдельного пациента с ее неосознанными конфликтами, блокированными инстинктивными импульсами и защитными механизмами. В последнее время психоаналитическая теория и практика приблизились к теории гештальт-терапии пятидесятилетней давности (не желая, впрочем, признавать своих предшественников), ставя в центр своего интереса отношение и межличностные аспекты человеческого поведения. Робин, однако, находит в сочинениях Гудмена такие темы, которые влекут его к тому, чтобы продвинуть гештальт-терапию значительно дальше, а именно речь заходит о фазе конструирования опыта, которая предшествует реляционным и интерсубъективным планам рассмотрения. Хотя реляционные и интерсубъективные варианты психоаналитической терапии в разной степени переносят внимание с внутренней жизни пациента на отношение пациента и терапевта, они выдвигают гипотезу, что это отношение имеет место между уже индивидуализированными *selves*, которые трактуются так, как если бы они наыминали готовые изделия.

Робин выдвигает совсем другое предположение. Он никогда не был чересчур озабочен готовыми продуктами в области психологии. В его последних работах собственно теория и практика не связаны готовым мнением о индивидуализированных *selves* или установленных ролях. Но если не *self* индивида и не реляционное и интерсубъективное *self* выступает предметом психологии, то что тогда? И что это может означать для практики психотерапии? Основу ответа на эти вопросы можно найти уже в первых работах Перлза, Хефферлина и Гудмена. В частности, Гудмен пишет: «Мы говорим об организме, который контактирует со средой, но контакт и есть первая, самая про-

стая реальность»². Другими словами, сам «контакт», который определяется как продолжающееся, активное, изменчивое отношение организма и среды, является основным предметом психологии. Это означает, что психологический опыт локализуется не внутри личности в качестве комбинации импульсов и ментальных представлений о внешнем мире и не во взаимодействии субъективного self и объективного мира, а в активных контактах лица и мира, в который лицо уже интегрировано, т. е. речь идет о контакте, в котором каждый элемент придает форму другому и ничего нельзя отделить от другого без серьезного обеднения опыта и утраты смысла.

Робин начал обдумывать и разрабатывать эти идеи в одном из своих ранних очерков «Контакт, первый опыт» (1990 г.), который опубликован в его предыдущей книге. Он хорошо дает понять, что для гештальт-терапии контакт — подлинный акт встречи — предшествует всему, что может быть понято как отношение (определять ли отношение в терминах отношений объекта или с точки зрения экзистенции и диалога, т. е. как нечто межличностное). Если вхождение в контакт — первый феномен ментальной жизни человека, то сама эта деятельность должна привлечь внимание психологической теории и практики психотерапии. Отмечая это, Робин подчеркивает разрыв с разработкой этой темы в психологии, произведенный гештальт-терапией полвека назад. Данный разрыв одновременно прост и предельно радикален.

Если Робин в своей теории ставит на первое место контакт, то тогда какую роль в гештальт-терапии должно играть понятие self? Существенно установить различие — в особенности, для англоязычных читателей — между тем, что Робин понимает под self, и тем,

² Perls F., Hefferline R., Goodman P. Gestalt-therapie. 2001, p. 49.

что обычно под этим подразумевают, а также разобраться, почему Робин говорит о «self в развертывании». Понятие self долгое время было центральным пунктом англо-американской психологической теории; self описывали так, словно self разделяет свои характеристики с материальными объектами, существующими в пространстве (но позволительно спросить, в каком пространстве существует self?). Self, таким образом, наделяется по меньшей мере спорной природой, иллюзорной устойчивостью, словно это вещь, которую терапевт может четко себе представить, затем исследовать, диагностировать и лечить, а пациент — оценить, реализовать, сделать подлинным.

Такие объективирующие представления о self возникают из картезианского разделения существования на закрытые индивидуальные сознания, которые пытаются управлять миром материальных объектов. В западных культурах это разделение использовалось уже протестантскими теологами, в частности кальвинистами и пуританами, которые отдавали предпочтение взгляду внутрь себя (самонаблюдению, «экзамену совести») и наказывали тело. Вне религии это развил позитивизм XIX века. В пост-фрейдистских школах психоанализа в Англии и Америке распространились понятия «подлинного self», «ложного self» и другие определения «ядра self» (core-self). И даже гуманистические направления в психологии середины прошлого столетия сделали своей целью развертывание self (самореализацию или самоосуществление).

В своем понимании гештальт-терапии в 1960-е годы Перлз по большей части присоединялся к такой индивидуалистской и пространственной концепции self. Она лежит в основе его понимания слоев ложного self, обволакивающих подлинный и подавленный self, который остается вызвать к жизни, а также в основе его

концептов «собака сверху» и «собака снизу», которые, похоже, являются переводом в духе поп-арта интернализаций и идентификаций теории объектных отношений. Но в текстах Гудмена появляется нечто совсем иное. В первой части теоретического тома Перлза, Хефферлина и Гудмена self определяется через движение от внутреннего к внешнему (как это имеет место в психодинамических теориях) и не от внешнего к внутреннему (как в бихевиоризме), а как эстетическая деятельность: эта деятельность состоит в придании формы опыту в том самом пункте, где производит встреча человека и того, что его окружает. Эта захватывающая мысль подразумевает определение self скорее в качестве процесса, совершающегося во времени, нежели в качестве квази-пространственной сущности, и является другим радикальным разрывом (даже если это был разрыв такого рода, на чем сам Гудмен вовсе не настаивал) с господствующей западной традицией. Отправляясь от такого понимания self как процесса, протекающего во времени, Робин и определяет ведущее направление своей теоретической работы.

Робин не отбрасывает психологические понятия и другие структурные подходы к психике. Как известно, они значительно обогатили наше понимание человеческого функционирования. Тем не менее Робин не согласен рассматривать self как нечто существующее в некоем внутреннем психическом пространстве. Ему интересно знать, что будет, если теоретик последует за Гудменом в его описании self как инстанции созидания форм, которая сама меняется по форме, помещаясь там, где организм и среда обоюдно и непрерывно включаются в изменчивые взаимодействия. Приходя, таким образом, в движение на этой кромке взаимодействия, self и то, что его окружает, имеют тенденцию исходить одно из другого и растворяться одно

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)